Текст · 17 июня 2022, 14:40
Максим Бутченко,

«Туда даже русские войска боятся соваться». Станет ли завод «Азот» в Северодонецке новой «Азовсталью»

Дождевая вода, солнечные батареи и лодочная переправа — что происходит с мирными жителями Северодонецка, укрывшимися на заводе «Азот», и почему они не покидают территорию предприятия.

Украинский журналист Юрий Бутусов, находящийся в Северодонецке, пишет несколько сообщений корреспонденту «Медиазоны» и выключает телефон: у батареи низкий заряд. Российские войска более трех недель штурмуют город, начиная с 27 мая бои идут в жилых массивах. Тактика продвижения россиян — та же, что была опробована при захвате других населенных пунктов: путем продвижения пехоты[1] выявляются позиции противника, затем их обстреливает артиллерия, затем снова пехотная атака. Северодонецк по масштабам разрушений сейчас уже сравнивают с Мариуполем. После безуспешных попыток выбить украинские войска из города российское командование решило перерезать пути снабжения. 14 июня был разрушен последний мост, которые соединял удерживаемый ВСУ Лисичанск с Северодонецком. С тех пор единственная возможность попасть в город — переправиться через речку Северский Донец. Именно таким путем, на лодке, туда добирался Бутусов, но недалеко от

берега лодка перевернулась, и зарядка для смартфона утонула.

«Телефон садится. Что происходит на заводе "Азот"? Там много гражданских, но выйти они не могут из-за постоянных обстрелов. Да и как теперь выехать, только вплавь. Но переправа простреливается, и переход довольно опасен», — написал Бутусов и пропал из сети.

Действительно, по данным главы Луганской военной администрации Сергея Гайдая, сейчас на территории завода «Азот» находятся 568 человек, в том числе 38 детей. Гайдай говорит, что выбраться с территории завода сейчас невозможно из-за постоянных обстрелов и боев. Например, 14 июня было прямое попадание в здание завода.

Волонтер и концертный директор Владимир Черный, о котором подробно писала «Медиазона», подтверждает, что на предприятии осталось много гражданских; среди них есть его родственники.

«Моим двум племянникам и мужу сестры, которые прячутся в бункерах "Азота", я предлагал выехать. Они спросили, где гарантии, что эвакуация пройдет хорошо? Жилье их давно сгорело, поэтому они просто сидят там», — говорит Черный.

Завод-убежище

Как и многие предприятия Донбасса, северодонецкий «Азот», принадлежащий опальному украинскому олигарху Дмитрию Фирташу, был градообразующим. В хорошие времена на нем работало около 8 тысяч

человек; за 2012–2014 годы он продал продукции на 12 млрд гривен[2]. Северодончанин Сергей Каленюк, бывший работник и историк «Азота», рассказывает, что завод запустили в 1951 году, а значит, при строительстве промышленного гиганта учитывали все возможные варианты развития холодной войны, в том числе мощные бомбовые удары.

Поэтому на заводе оборудовано несколько бункеров. Каленюк говорит, что это настоящие бомбоубежища, которые строили в 1950–1960-х годах; часть убежищ расположена в хранилище перед проходными завода.

«Туда без проблем могли зайти местные жители при первых обстрелах. А на территории "Азота" тоже есть бомбоубежища, например у заводоуправления. В нашем цехе КИПиА[3] было свое, там я бывал.

Но, насколько знаю, за ними перестали ухаживать. Хотя после 2014 года, может, и восстановили. Но это уже после того, как я рассчитался», — вспоминает Каленюк.

Завод «Азот», 10 июня 2022 года. Фото: Oleksandr Ratushniak / Reuters

Черный говорит, что его родственники не выходят на связь уже несколько дней, но об условиях на заводе он может рассказать. Точное количество убежищ неизвестно, но, по предположению собеседника «Медиазоны», их не больше десяти, и в каждом находятся от 40 до 60 человек. Продукты доставляют военные; поначалу укрывшимся здесь людям приносили даже горячие блюда. Кроме того, украинские солдаты снабжают их водой, но ее, судя по всему, не хватает: обитатели «Азота» собирают

дождевую воду, фильтруют и затем используют для приготовления пищи.

«Готовят на улице. Взяли дождевую воду и заварили крупы, мивину[4]. Хлеб пробовали возить с Лисичанска, но это не всегда удобно. До Лисичанска сейчас гуманитарка худо-бедно доезжает, а вот через реку наладили переправу с тросами и лодками, которые тянут ручными лебедками», — продолжает волонтер.

Электричество «азотцы» получают благодаря солнечным батареям, которые передал тот же Черный. По его словам, северодончане собрали аккумуляторы с машин, которые были на «Азоте»: днем их заряжают от солнечных батарей, а ночью используют для освещения бункеров. Также используются генераторы и солярка, которую доставляют украинские военные.

Петр Кузик, командир батальона национальной гвардии «Свобода», вместе со своим подразделением сейчас тоже находится в Северодонецке. Он говорит, что на заводе есть «серьезные» бункеры, рассчитанные на случай ядерного удара или крупной техногенной катастрофы; в них тоже находятся гражданские. Но украинских военных там нет, потому что это и нецелесообразно, и небезопасно.

«Слишком близкий контакт к опасному производству. Там полно остатков химически опасных элементов. А рыть окопы вблизи цистерн с химическими веществами цели у нас нет. Поэтому и позиций наших там нет», — утверждает Кузик.

По его словам, сейчас украинские военные оттеснили россиян от промзоны[5], бои ведутся уже среди жилой застройки центральных районов и даже на северной окраине города, например у отеля «Мир», откуда и начался штурм Северодонецка. Но дается это нелегко, признает Кузик: с российской стороны ведется шквальный артиллерийский обстрел.

«Гатят[6] они безбожно и непрерывно по всем точкам: по гражданским объектам, по детским домам, по центрам детского досуга, школам, садам. Они не разбираются. Это ведь не снайпера работающие, а артиллеристы, мобилизовавшиеся месяц назад. Разлет мин 300–500 метров», — рассказывает украинский военный.

Поэтому гражданские предпочитают наиболее укрепленные бункеры «Азота». Кузик говорит, что мирным жителям некуда выехать из города, да и денег на дорогу нет: они просто заложники положения и хотят, чтобы война скорее закончилась.

«По мере своих сил мы им помогаем, хотя мы не социальная служба: когда получим еду, воду и боеприпасы, часть передаем туда. Администрация завода в контакте. Мы с ними тесно сотрудничаем. Где есть взрывоопасность — имеется в виду на территории предприятия — там нет никого. Туда даже русские войска боятся соваться», — рассказывает командир.

Концертный директор и волонтер Владимир Черный в пункте гуманитарной помощи. Фото: личный архив

Он скептически относится к сообщениям о «зеленых коридорах», объявленных российской стороной. Обстрелы артиллерии не стихают, а выходить из убежища под разрывы снарядов — безумие. Важное условие для людей, укрывшихся на «Азоте» — выход на территорию, контролируемую российской армией.

Черный добавляет: появилась информация, что россияне вывозят людей в самопровозглашенную ЛНР — в Старобельск и Сватово. В городе ходили слухи, что у многих отнимали ключи от квартир и заставляли эвакуироваться силой.

«Мои друзья не подтверждали такую информацию. Хотя сейчас связи с ними пока нет, люди прячутся от боевых действий — от взрывов и стрельбы. Чтобы представить, что происходит, нужно открыть любую компьютерную игру с перестрелками в городе — и то это будет только половина той трагической реальности, в которой оказался родной мне Северодонецк», — говорит на прощание Черный.

Редактор: Дмитрий Ткачев

Материал подготовлен при поддержке «Фонда Бориса Немцова за свободу».

1. Чаще всего из самопровозглашенной ЛНР.

2. Около 1,5 млрд долларов по курсу тех лет.

3. Контрольно-измерительных приборов и автоматики.

4. Вермишель быстрого приготовления, аналог «Роллтона» и «Доширака».

5. При этом в «народной милиции» самопровозглашенной ЛНР утверждают, что украинские военные на «Азоте» начали сдаваться в плен.

6. Стреляют, бьют (укр.).